

Научная статья
УДК 55 (092)

КАК ЭТО БЫЛО...

А. В. Маслов

*Институт геологии — обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, Россия,
Геологический институт РАН, г. Москва, Россия
amas2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4902-5789>*

В статье кратко охарактеризован путь в науке заведующего лабораторией стратиграфии палеозоя Института геологии БФАН СССР/БНЦ УрО АН СССР/УФИЦ РАН доктора геолого-минералогических наук, Заслуженного деятеля науки БАССР Виктора Алексеевича Маслова. Глазами его сына описана специфика полевых и камеральных работ в Институте в 1970-х — 1980-х гг., дана оценка некоторых их результатов.

Ключевые слова: Южный Урал, девон, стратиграфия, конодонты, история исследований, коллеги и друзья

Благодарности: Исследования выполнены в соответствии с государственным заданием ИГ УФИЦ РАН и ГИН РАН.

Original article

HOW IT WAS...

A. V. Maslov

*Institute of Geology — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia,
Geological Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
amas2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4902-5789>*

This article briefly describes the scientific career of Viktor Alekseevich Maslov, Doctor of Sciences (Geol. Mineral.), Honored Scientist of the Bashkir ASSR, long-time head of the Paleozoic Stratigraphy Laboratory at the Institute of Geology of the Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences/Bashkir Scientific Center, Urals Branch of the USSR Academy of Sciences/Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Through the eyes of his son, the specifics of field and office work at the Institute in the 1970s and 1980s are described, an assessment of their results is given.

Keywords: Southern Urals, Devonian, stratigraphy, conodonts, research history, colleagues and friends

Acknowledgments: The research was carried out in accordance with a state assignment for the Institute of Geology of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences and the Geological Institute of the Russian Academy of Sciences.

21 сентября 2026 г. моему отцу, Маслову Виктору Алексеевичу, исполнилось бы 100 лет со дня рождения. Поверить в это невозможно. Эта дата

просто представляется неким казусом истории. Вроде бы совсем недавно он приезжал, как член диссертационного совета при Институте геоло-

гии и геохимии УрО РАН, на защиту моей докторской диссертации в Екатеринбург, жил у нас в общежитии на ул. Амундсена, 120. Тогда мне было около 40. А сейчас уже почти 70. Нет, этого не может быть, что-то тут не так ... и слезы появляются в глазах, хотя изо всех сил уговариваю себя держаться ...

Написать об отце мне трудно. Примерно через полтора или два года после свадьбы мы с женой и дочкой перебрались из Уфы в Свердловск, ставший вскоре Екатеринбургом, а до этого я год жил еще в Миассе, и с тех пор отца видел редко. Он иногда приезжал в наш город на заседания диссертационного совета, а после какой-то очередной реорганизации совета и вовсе выбыл из него, а я бывал в Уфе раз или два в год, что тоже, увы, не столь часто. Почти половина из этих лет прошла в итоге в разных городах. Но, честно говоря, так, видимо, было лучше для каждого из нас, хотя позднее я неоднократно пользовался советами отца в разных жизненных ситуациях ...

В отличие от многих других людей, я мало помню свои первые годы. В основном это несвязанные друг с другом отрывки и родителей в них почти нет, а самое яркое впечатление тех лет — жуткое нежелание ходить в детский сад. Только когда смотришь на старые фотографии (рис. 1), что-то понемногу всплывает, да и то трудно думать, что эти воспоминания точны. Поэтому далее будет только мозаика цветных бликов, как в старом детском калейдоскопе, да это и будут воспоминания в основном глазами ребенка, не претендующие на сколько-нибудь фундаментальную оценку научных достижений отца ...

Рис. 1. Отец и я. Конец 1950-х—самое начало 1960-х гг.

Fig. 1. Father and I. Late 1950s—early 1960s.

Вся работа и жизнь отца прошли в одном (!!) институте. Как пишет он в своих коротких неопубликованных воспоминаниях — «Я приехал в Уфу 3-го августа 1952 г. по распределению после окончания геологического факультета Воронежского государственного университета и был первый молодой специалист-геолог. ... В августе 1952, в день моего приезда, в Институте числилось 16 сотрудников». Раньше институт назывался ИГ БФАН СССР, потом несколько раз менял название, а когда-то, в короткий период реорганизации, был вообще ГГИ Мингео СССР. Будучи геологом, отец подолгу работал в экспедициях, часто с конца мая по середину сентября, и мы с братом и мамой в это время перебирались к родителям мамы в Воронеж (рис. 2). Мама отца жила в Воронежской области в с. Ясная Поляна у жд. станции Перелешино (рис. 3) и мы гостили и у нее. Как-то гораздо позже отец познакомился

Рис. 2. С мамой, отцом мамы, дедушкой Федей, и братом Алексеем в саду под Воронежем. Середина 1960-х.

Fig. 2. With my mother, mother's father, grandfather Fedya, and brother Alexei in a garden near Voronezh. Mid-1960s.

Рис. 3. Дом мамы отца в с. Ясная Поляна Воронежской области (жд. станция Перелешино)

Fig. 3. House of father's mother in the village of Yasnaya Polyana, Voronezh region (Pereleshino railway station)

с внучкой помещика Перелешина Ольгой Александровной, построившего недалеко от станции сахарный завод. Завод этот работает до сих пор, а станция сохранила нам его имя.

Ездили до Воронежа чаще поездами. Утром приезжали в Москву, а вечером садились на поезд до Воронежа. Весь день при этом был в нашем распоряжении, и мы ходили на ВДНХ, в Парк Горького, зоопарк или в какие-то другие интересные места. Обратно из Воронежа до Уфы иногда летали самолетами с посадками в Пензе и Куйбышеве. Самолеты же были ИЛ-14 (я такой вижу сейчас только в Бургасе) и Ли-2 (а эта модель — подобие американского Дугласа — непременно героя многих военных фильмов). И весь перелет был сплошным приключением — как бы не опоздать на самолет при промежуточных посадках, как бы поменьше кричать, когда самолет проваливается в воздушные ямы и уши давит что-то страшное и проч.

Первым нашим домом в Уфе, который я более-менее помню, был дом на ул. Октябрьской Революции рядом с каким-то, по-моему, кинотеатром или клубом (сейчас это, вероятно, как следует из Яндекс-карты, Церковь Спаса Нерукотворного Образа). От здания института, который тогда был расположен на ул. Карла Маркса напротив Центрального универмага, это было совсем недалеко и отцу можно было на работу ходить пешком, или приходить домой на обед. Кстати, многие сотрудники института жили от него совсем недалеко. Например, семья Людмилы Степановны Лозовой, позднее многолетнего ученого секретаря института, жила на углу Октябрьской Революции и Цурюпы, и иногда мы ходили к ним отмечать Новый год. Здание института я помню, но помню смутно. Там были большие и широкие скрипучие деревянные лестницы (в памяти на ней стоит молодой и довольно импозантный Сергей Николаевич Краузе), а полевое экспедиционное оборудование при выезде в поле часто грузили в машину прямо через окно второго этажа.

Конец 1950-х — начало 1960-х гг. ещё не золотой век геологии, но его начало. Отец работал в экспедициях по несколько месяцев, в основном в широтном течении р. Белой (рис. 4, 5), и названия тамошних деревень и сел (Максютово, Иргизла, Акбута, Кутаново, Старосубхангулово и др.) до сих пор звучат в душе музыкой, хотя я, кроме Старосубхангулово и Киекбаево, нигде, став уже взрослым, и не был. Не знаю, что стало с ними после постройки Юмагузинского водохранили-

ща. Надо сказать, что и геология, и стратиграфия и литология палеозоя западного склона Южного Урала в те годы представляли собой во многом *terra incognita*, хотя территория и была покрыта разномасштабной геологической съёмкой. Поэтому создание стратиграфической схемы нижнего палеозоя западного склона требовала много сил и энергии. Это и послойное описание многочисленных разрезов, и отбор разнообразной макрофауны из преимущественно карбонатных пород, и корреляция разрезов и многое другое ... Да и районы работ были сплошной экзотикой. Добраться до них или, наоборот, выбраться было во многом сродни небольшому подвигу. Все экспедиционные машины, а это, несомненно, сердце любого экспедиционного отряда на Южном Урале, оборудовались лебедками, приходилось внимательно следить за профилем дороги, так как ГАЗ-63, на которых в основном и работали полевые отряды на западном склоне, довольно легко ложился на небольших косогорах на бок ... и поднимай машину, как знаешь Но зато, сколько было потом, осенью и зимой рассказов, и про рыбалку на Белой (а там ловились и сомы (на лягушек) и жерехи и щуки, и Бог знает кто ещё) и про свирепые грозы, на которые западный склон в те годы был весьма щедр, и про невероятную жару, загонявшую пить чай прямо в Белую (где-то были такие фотографии). Отец привозил из экспедиции множество фотопленок, и проявка их, как и печать фотографий, плавающих перед глянцеванием в большом тазу потом в ванной при таинственном свете красного фонаря, были загадочными и святыми моментами нашей домашней жизни.

Итогом этих нескольких лет работы в поле стала опубликованная в 1961 г. монография С. Н. Краузе, В. А. Маслов «Ордовик, силур и нижний девон западного склона Башкирского Урала», а в 1959 г. отец защитил в альма матер — Воронежском университете кандидатскую диссертацию на тему «Литология и фациальные особенности верхнедевонских карбонатных отложений западного склона Южного Урала» (кандидатская степень и избрание несколько позже старшим научным сотрудником дали возможность отцу «прикрепиться» к поликлинике Совмина БАССР, а так как здоровье у него в те годы было отменное, особой надобности в этой привилегии и не было). Надо сказать, что и много лет спустя он не раз сожалел, что не пришлось продолжить именно литологические исследования карбонатных толщ — очень ему нравившееся направление исследований, так

Рис. 4. Без машины на Южном Урале геологу никак нельзя. Конец 1950-х — начало 1980-х.

Fig. 4. A geologist in the Southern Urals can't do without a car. Late 1950s — early 1980s.

как «золотой век геологии» в лице директора института А. И. Олли распорядился иначе ... Вспоминал он и забавный случай, когда удалось обнаружить перпендикулярно друг другу ориентированные стилолитовые швы в какой-то карбонатной породе, тогда как академик Н. М. Страхов считал, что это невозможно. Ответа на отправленные академику фотографии образцов отец не дождался...

Описанные С. Н. Краузе и отцом в конце 1950-начале 1960-х гг. карбонатные разрезы нижнего палеозоя бассейна широтного течения р. Белой послужили позднее эталонными объектами для многочисленных полевых экскурсий, так

как являлись прекрасными примерами отложенных пассивных континентальных окраин Уральского палеоокеана. Участникам выездной сессии ОГТГН АН СССР, среди которых были многие маститые отечественные геологи (рис. 6), эти разрезы среди других примечательных геологических объектов Южного Урала, были также показаны в 1985 (?) г. В начале 1980-х гг. они демонстрировались во время сплава по Белой и участникам палеоокеанологической экспедиции специалистов Института океанологии АН СССР, Ильменского заповедника УНЦ АН СССР и Института геологии БФ АН СССР, которой руководил Л. П. Зо-

Рис. 5. Разные фотографии первых лет работы на Южном Урале. На нижнем снимке справа (слева направо): отец, С.Н. Краузе и В.А. Романов.

Fig. 5. Various photographs from the first years of work in the Southern Urals. In the bottom photo on the right (left to right): father, S.N. Krause, and V.A. Romanov.

неншайн. Финал этой экспедиции (для меня плачевный) я хорошо помню, так как, вернувшись со сплава Л. П. Зоненшайн и В. А. Коротеев, а чуть позже и дочь последнего — Лена, ночевали у нас дома, а я лежал, выехав из поля с температурой и начинающейся желтухой, в соседней комнате Благо, те, кто родился в конце 1920-начале 1930 гг., оказались к желтухе не восприимчивы, в отличие от моего брата ...

В начале 1960-х гг. наша семья переехала на Проспект Октября, в дом, почти напротив которого потом выстроили Госцирк. Тогда там не было ни фонтана с кураистом, ни кинотеатра «Искра», ни собственно Госцирка. Последний строился прямо на наших глазах, строителей привозили каждый день в автобусах. Сопровождали их вооруженные люди с овчарками. В соседнем доме был гастронорм, во дворах располагалась новая школа, в которую я пошел в 1964 г. Ближе к ул. Орловской (так, кажется) располагался настоящий по размеру стадион, на котором иногда мы играли

в футбол. На родительские собрания в школу отец почти никогда не ходил, этим занималась мама.

В сторону Черниковки дальше нашего дома ничего еще не было. Перед будущим кинотеатром «Искра» находилась поляна, а дальше лесок, но скоро новые дома стали быстро шагать на север и ощущение «далекой окраины» исчезло. В заполненном водой котловане для кинотеатра «Искра» мы с ребятами катались в лабиринте стен на кусках пенопласта. В торце нашего дома-пятиэтажки была громадная лужа. Иногда ребята теряли там, в жидкой грязи, сапоги и отцу приходилось доставать из этой лужи и сапоги и их обладателей. В нашем подъезде жило несколько семей сотрудников БФАН СССР (рядом с нами в кв. 6 жила семья Ю. Е. Журенко, тоже работавшего в Институте, и я хорошо помню, что отец вместе с В. А. Романовым ходили к ним смотреть первые хоккейные матчи с канадцами). Через Проспект Октября несколько левее строился или уже был построен Институт химии. Боль-

Рис. 6. Участники выездной сессии ОГГГН АН СССР на Южном Урале. 1985 (?) год.

Fig. 6. Participants of the visiting session of the OGGGN of the USSR Academy of Sciences in the Southern Urals. 1985 (?).

ше долгое время ничего, кроме обширных складов и каких-то ангаров там не было. Балкон квартиры выходил на Проспект, и в августе 1964 г. мы смотрели с него на кортеж проезжающего по Проспекту Н. С. Хрущёва.

По Проспекту Октября тогда ходили трамваи. И на маршрутах 5 или 9 можно было доехать до кольца у Детского универмага, а оттуда, как и сейчас, дойти пешком до института. Сам Институт переехал в связи с началом строительства напротив Центрального универмага в конце 1960-х гг. новых корпусов Авиаинститута в тот дом, где находится и сейчас (ул. Карла Маркса, 16/2).

Видимо у отца со временем появились мысли о том, чтобы кто-то из детей стал геологом. Естественно, выбор пал на старшего. И примерно с 6 или 7 класса он стал брать меня с собой в экспедиции. А младший брат Алексей в итоге пошел по стопам мамы — окончил химический факультет Башгосуниверситета и до самой пенсии работал по специальности. В это время отец выезжал в поле уже на восточном склоне Южного Урала (рис. 7), там, где были распространены разнообразные вулканогенные и вулканогенно-осадочные толщи среднего палеозоя, среди которых залега-ли многочисленные медноколчеданные месторождения. Они играли существенную роль в обес-

Рис. 7. Разные фотографии середины 1960-х — начала 1980-х гг. На нижнем снимке в центре отец и Н. Ф. Данукалов.

Fig. 7. Various photographs from the mid-1960s to the early 1980s. In the bottom picture in the center is the father and N. F. Danukalov.

печении страны медью и сопутствующими ей металлами. В Учалах в 1968 г. была введена в строй первая очередь обогатительной фабрики и началось строительство горно-обогатительного комбината, а в Сибее в 1948 г. был основан Башкирский медно-серный комбинат. Оба города благодаря этому росли, развивались и хорошели с каждым годом. Примерно в 100 км к северу от Сибая располагался Магнитогорск. Как-то, когда мы заехали в него очередной раз по делам, я стал считать — сколько в Магнитогорске труб с дымом разного цвета? Досчитал до 100 и сбился ... Это был точно большой рабочий город.

Ездили в экспедиции тогда часто на несколько месяцев. На смену ГАЗ-63 пришли ГАЗ-51, а потом ГАЗ-53. Машины принадлежали Автобазе БФАН СССР и летом обслуживали заявки геологов, биологов, этнографов и кого-то еще. Для полевых работ их дооборудовали — зашивали кузова фанерой, делали вдоль бортов деревянные рундуки для запчастей, ящиков с тушенкой и образцами. Для заднего борта вырезали из той же фанеры две «вперехлест» стенки. Попастъ в кузов в итоге можно было, только поднявшись рядом с кабиной водителя. Это обеспечивало и защиту от потери вещей и частично от пыли. В передней части кузова ставили в ряд выючники, на них клали спальники, дальше располагались раскладушки, кошмы, палатки, иногда лодки и другое полевое оборудование, и в итоге члены отряда ехали, смотря вперед, как водитель и начальник отряда. Выглядело это в маленьких городках или в том же Магнитогорске довольно весело — стоят люди в платьях, брюках и рубашках на остановке трамвая, лето, светит солнце, тепло, а рядом на световом фоне останавливается довольно пыльная автомашина, в кузове которой сидят люди в телогрейках, в платках, в шапках ... продувало при поезде в кузове прилично.

В поле жили в обычных 4- или 2-местных брезентовых палатках. От дождя ставили брезентовые же тенты, приподнимая их от крыши палатки специальными распорками-рогатками (рогатки эти, как и колья для палаток, возили с собой много лет). Широких «туб» из полиэтилена, чтобы накрыть ими палатку, тогда в продаже еще не было. Палатки имели брезентовые полы, которые, как и края палаток, соприкасавшиеся с землей, надо было регулярно просушивать. Полы тщательно пристегивали к палаткам и часто еще и придавливали по углам каменными глыбами. Это было необходимо, так как однажды кто-то из местных, при-

подняв чью-то палатку сзади, утащил с раскладушки, лежавшие на ней фотоаппараты. Особой проблемой палаток всегда были люверсы. Мне часто приходилось их ремонтировать и обшивать суровыми или капроновыми нитками. Спали в палатках на раскладушках. На раскладушку иногда клали толстую кошму (роскошь в те годы) или другой спальник. По возможности (тоже доступной не каждому) сверху укрывали спальник еще и одеялом. Иногда работа в поле захватывала и первую половину сентября. Это на Южном Урале в те годы было уже довольно холодное время и в палатках иногда ставили железные печки. Трубы их выводили через обшитое асбестом окошко в крыше палатки, а сами печки также ставились на асбест, не дай Бог пожар ... В хорошо натопленной палатке вечером было просто прекрасно, не так как, конечно, утром.

Полевой лагерь старались ставить полукругом, так, чтобы все палатки были под присмотром. Готовили еду многие годы на костре поочередно. Мне в 9 классе в экспедиции с Н. Ф. Данукаловым, будучи рабочим на зарплате, как-то пришлось этим тоже заниматься по очереди с другими ребятами ... надо сказать радости немного, особенно когда нужно приготовить или разогреть суп или борщ на 10 человек на ужин и, главное, завтрак: костер гореть, как в песне, не хочет, а подогреть надо эмалированное ведро объемом в 10–12 литров. Так как лагеря ставили из года в год примерно на одних и тех же местах, постепенно появилась проблема найти в округе дрова для костра. Правда со временем кому-то пришла в голову прекрасная идея — использовать для приготовления пищи газовые баллоны и портативные плиты. В итоге в лагере появилась кухонная палатка, и работа поварих стала заметно легче.

Работали в поле практически без выходных, хорошо понимая, что таковыми будут дождливые дни. Подъем был в 7 утра, а в 8:30 все должны были сидеть в машине, которая отправлялась в маршрут. В машине хранилась тушенка и не дай Бог было не достать её утром ... Возвращались из маршрута обычно к 18:00, ужинали, разбирали образцы, готовились к следующему дню. Особых развлечений, кроме разве игры в подкидного дурака, по вечерам, в общем-то, и не было. Раз в 7–10 дней выбирались в баню, закупали овощи и фрукты (в первой половине лета в 1970-е гг. их, как правило, и не было; раздолье наступало только в августе), газеты и журналы. Интернета на лубой поляне тогда не было и в помине, а телефон-

ный разговор в деревне можно было ждать и час и дольше, поэтому связь было письмами «До востребования». Отец, как и все члены полевого отряда, оставлял дома даты, до которых можно было отправлять ему письма в Сибай, Магнитогорск, Учалы или Верхнеуральск, а адрес был примерно такой — «Магнитогорск, Главпочтамт, До востребования». Что удивительно, письма доходили! Иногда это была охапка разноцветных конвертов для всех, кто их ждал (сейчас я отправляю в Москве простое письмо из одного района столицы в другой, и доходит оно до адресата через раз)! Один или два дня в конце июня выделялись по общему согласию на сбор полевой клубники и варку варенья. И собирать клубнику, и чистить ее от чашелистиков (а иногда мы натывались и на дикую вишню), было довольно утомительно, хотя отец умел увлечь этим даже молодых ребят (рис. 8), но пить чай зимой с потрясающе ароматным вареньем оказывалось гораздо более прият-

ным. Также в августе день или два посвящались сбору и засолке грибов, чаще всего груздей и рыжиков. В березовых лесах в окрестностях Уразово километрах в 20 от Учалов можно за день было набрать несколько крафт-мешков молодых крепких небольших груздей, которые потом отмокали от земли в запруде на берегу Урала, чистились и солились. Сколько лет потом, да и сейчас я только вспоминаю об этом ...

Как и в конце 1950-начале 1960 гг. не обходилось и без рыбалки. Рыба хорошо дополняла появлявшуюся со временем в поле «усталость от тушенки», хотя тушенка в 1970-е гг., практически вся делавшаяся на заводах в Башкирии, была выше всяких похвал. Так как лагеря ставили в основном на озерах (Калкан, Карабалыкты, Сарыкуль, Ириклинское водохранилище и др.) или на берегах Урала, Кизила и других рек, то ловили и на удочки, на спиннинг, ставили «морды» или небольшие сетки. На Ириклинском водохранилище все-

Рис. 8. Начало XXI в. молодежь и отец в поле за чисткой, похоже, дикой вишни

Fig. 8. Beginning of the 21st century. Young people and my father in a field cleaning what appear to be wild cherries

гда была возможность нарваться на рыбоохрану; единственной отговоркой служило то, что рыбой мы не торгуем и не заготавливаем в промышленных масштабах, да и имидж геолога иногда помогал все же. Помню, как-то появилась идея приготовить рыбу холодного копчения — к железной печке приделали длинную многоколенную жестяную трубу для охлаждения дыма и на выходе в марле повесили в ящике нитки с рыбой. Результат был невероятно вкусным, но забот и времени все это требовало много и, по-моему, дальше успешных экспериментов дело не пошло. Так как в маршруты меня брали редко, да и толку от меня при сборе фауны или прослеживании маркирующих горизонтов было чуть, то в основном в первые годы я оставался в лагере, делать особо было нечего, поэтому периодически я оказывался объектом педагогических экспериментов. Один из таких экспериментов заключался в создании киркой вокруг лагеря на Ириклинском водохранилище противопожарной полосы шириной в метр, а длиной, как в армии, от забора и до обеда Естественно, что когда полоса была наполовину или почти готова, лагерь свернули и переехали на новую стоянку. В те годы прямой дороги до Магнитогорска не было. Добирались к местам работы либо через Сим, Златоуст, Миасс и далее до Учалов, либо через Стерлитамак, Иру, Мраково, Зилаир и далее к Баймаку ... Занимало это дня два. На обратном пути по южной дороге успевали обычно доехать до окрестностей Стерлитамака и там, где-то на Тихом Ашкадаре, обязательно просушивали палатки.

Работы у отца здесь, как и на западном склоне, было много. Основная цель состояла в создании хорошо увязанных схем стратиграфии вулканогенных и вулканогенно-осадочных толщ основных меднорудных районов Магнитогорского прогиба — Верхнеуральского, Учалинского, Сибайского, Баймак-Бурибайского и др. В 1970-е годы основной этой служила преимущественно макрофуна, но были и работы, обосновывающие возраст рудовмещающих толщ по радиоляриям. Часто выводы и представления, базирующиеся на этих подходах, были разными и вызывали дискуссии, подчас довольно жаркие.

В Уфе в 1950–1980-е гг. на улице Ленина, 37, располагалось Южно-Уральское территориальное геологическое управление, переименованное позднее в Башкирское территориальное геологическое управления (БТГУ), а потом в ПГО «Башкиргеология», потом ещё во что-то (ОАО?) и пе-

ремещенное в дальнейшем в район Южного Автовокзала. Сейчас это предприятие со славной многолетней историей, наверное, совсем кануло в Лету. Управление имело несколько крупных экспедиций и партий, располагавшихся в основном в восточных районах Республики. Несколько экспедиций было и в Уфе. Работали в них весьма грамотные специалисты, досконально знавшие геологию территории и все дискуссионные вопросы, имевшие на многое свою точку зрения. Переубедить их в чем-то без железных аргументов и фактов было практически невозможно. Но отцу это в большинстве случаев удавалось. Удавалось как раз вследствие многомесячных полевых работ, тщательных сборов фауны, анализа условий ее залегания, картирования детальных участков, прослеживания маркирующих горизонтов и многого другого.

В те годы было принято «внедрять» результаты научных исследований в практику. Делалось обычно это в виде научных записок, представлявших некоторую сумму новых фактов и наблюдений по тому или иному району и рассматривавшихся на Научно-Техническом Совете экспедиции или даже Управления/ПГО. При одобрении и принятии записки «к внедрению», а часто с докладчика сходило семь потов при ее обсуждении, авторы получали выписку из протокола заседания НТС и эта бумага с подписью и печатью дорогого стоила. Никто за красивые глаза ее не давал ... Отец придавал такой форме сотрудничества с коллегами-производственниками исключительное значение, многих из них хорошо знал и поддерживал многолетние контакты. И, надо сказать, с того самого момента, когда директор института А. И. Олли «отправил» отца работать на восточный склон Южного Урала, все стратиграфические исследования там были во многом ориентированы на текущие потребности и перспективные запросы геологосъемочных и поисковых работ. Сейчас, увы, производственная геология такого класса, по моим ощущениям, в Башкирии отсутствует, как и запросы с ее стороны к академической науке, но, будучи многие годы от Уфы далеко, я могу и ошибаться. Хотелось бы в это верить ...

Надо отметить, что в 1960-е — 1980-е гг. в Институте существовал своеобразный пятилетний цикл научных исследований. На Ученом совете утверждалась тема исследований, и выполнявшие ее сотрудники все пять лет могли собирать и анализировать новый фактический матери-

ал или осмысливать и обобщать результаты и свои и коллег. Примерно за полгода или несколько более до конца темы намечался план отчета, и коллектив начинал готовить иллюстрации, схемы, карты, разрезы и писать текст. Рисунки чертились тушью на кальке, а затем фотографировались в фотолаборатории и размножались в 5 экземплярах, т. к. отчеты тоже готовились в 5 экземплярах. Текст отчета (один или несколько томов каждый примерно по 300 страниц, так как тома большего объема после переплета часто просто ломались и рассыпались) печатали машинистки из машбюро, которое располагалось тогда во флигеле между корпусами 16 и 16/2. Важным залогом быстрой и более-менее безошибочной печати был почерк автора. Отец часто вспоминал, как однажды его рукописный текст был просто выброшен за дверь машбюро, так как машинистка не смогла прочитать многие в нем слова. Поэтому писал он, тщательно взвешивая и конструируя все фразы в уме. Исправления между строк, вклеенные сбоку дополнения не любил предельно. И я, пытаясь потом написать первую в жизни маленькую статью, многократно прошел через разные головомойки (а сейчас все равно пишу в компьютере с многочисленными вставками, заменами, добавлениями и изъятиями, благо следы всего этого «безобразия» при желании можно скрыть).

Завершенный отчет за пять лет работы защищался руководителем темы на Ученом совете, при необходимости в него вносились уточнения и дополнения, о чем получалась официальная справка, подшивавшаяся в отчет. Подшивались к отчету и отзывы внутреннего и внешнего рецензентов. После этого по одному экземпляру отчета сдавались в Фонды института и Территориального геологического управления/ПГО, Всесоюзный геологический фонд в Москве, а один экземпляр оставался в лаборатории. Защиты отчета были довольно трудными, так как на территории работали не только исполнители темы, но и многие коллеги авторов по институту и геологи-производственники. Успешная защита отчета была для всех праздником, так как поощрялась премией и позволяла, после более глубокого и неторопливого осмысливания, подготовить несколько публикаций для открытой печати. Система эта, однако, видимо была не для всех, так как в Свердловске пятилетних отчетов сотрудники ИГГ УФАИ СССР не писали, отчитываясь статьями, в том числе и в Ежегоднике/трудах института и в многочисленных сборниках и препринтах.

Написание статей в «рецензируемые журналы» в те годы не было ни целью, ни самоцелью. Да и термина такого не было, хотя понятие «центральная печать» существовало, и к ней относились журналы и АН СССР и Мингео, такие как «Известия АН СССР. Серия геологическая», «Литология и полезные ископаемые», «Геотектоника», «Советская геология», «Геология рудных месторождений», «Геохимия», «Руды и металлы», «Геоморфология» и др. Публикаций у сотрудников института в этих журналах было немного. Одно время институт издавал сборники статей под общим названием, если мне не изменяет память, «Вопросы геологии восточной окраины Русской платформы и Южного Урала»... Набрав это название в поисковике, сейчас можно увидеть, что оригиналом выпуска №5 этого сборника владеет Корнельский университет, а оцифрован он 13 сентября 2010 г. Потом по каким-то причинам от издания названных сборников перешли к изданию сборников со своими собственными названиями. Уже когда я начинал работать в институте, выглядело это так. В какой-то момент времени появлялась информация, что будут собираться сборники статей. Дирекция определялась с названиями их и назначала ответственного редактора. Последний организовывал всю непосредственную работу, одним из «важнейших моментов» которой было неукоснительное соблюдение объема рукописей (НЕ БОЛЕЕ 20 тысяч знаков). Это продолжалось много лет. Помню, как и сам, получив из РИСО БФАН гранки своей первой статьи и требование сократить 456 знаков [тут я утрирую, конечно], мучительно сокращал слова, если не буквы.

Но так как институт все же входил в систему АН СССР, существовали квоты в авторских листах на публикацию монографий в Москве в издательстве «Наука». В 1980 г. в этом издательстве вышла в свет монография отца «Девон восточного склона Южного Урала», в которой были сведены и тщательно проанализированы все известные и новые находки макрофауны в рудовмещающих толщах. Эта работа завершила, как было тогда уже понятно, крупный этап «традиционных» исследований стратиграфии Магнитогорского синклиория и прилежащих к нему структур, так как примерно на рубеже 1970–1980 гг. в инструментарии стратиграфов появился, а в скором времени стал играть первую скрипку поиск и определение конodontов на поверхностях напластования кремней и яшм, во множестве имевшихся среди вулканитов и туфов. Довольно быстро это позволи-

ло во многом пересмотреть и существенно детализировать стратиграфию девона ряда основных рудных районов Башкирии.

И все эти, и старые, и новые, материалы были суммированы отцом в докторской диссертации, которую он защитил в 1984 г. в Институте геологии и геохимии УНЦ РАН в г. Свердловске. Оппонентами работы выступали, если я не ошибаюсь, И. В. Хворова (ГИН АН СССР), М. А. Ржонсницкая (ВСЕГЕИ) и В. Н. Пучков (ИГГ УНЦ АН СССР), а ведущим предприятием — ВСЕГЕИ (тогда это был действительно институт-монстр, не чета современному, сколько бы его не переименовывали, правда, в Отделе Урала, где отец делал доклад по диссертации, о конодонтах ничего не знали). И. В. Хворова во время защиты была в рейсе и, как мне помнится, но могу ошибаться, прислала в адрес совета телеграмму прямо с борта научно-исследовательского судна. На защиту пришел и тогдашний генеральный директор ПГО «Урал-геология», крупнейшей в Уральском регионе такой организации, А. К. Семерун, однокурсник отца и близкий друг, что было сразу отмечено всеми присутствующими.

В 1972 г. отец был избран заведующим лабораторией стратиграфии палеозоя. В лаборатории в это время велись и работы по созданию детальных схем стратиграфии девона западного склона. Через несколько лет они стали основываться не только на макрофауне (по основным ее группам в лаборатории были опытные специалисты), но и получили мощный импульс благодаря изучению конодонтов. Для исследований на восточном склоне (визуальный поиск конодонтов, создание карт детальных участков, прослеживание маркирующих горизонтов, исследование состава вулканогенно-осадочных отложений и мн. др.) была подобрана группа сотрудников — В. Ю. Родионов, В. Б. Смирнов, В. Н. Барышев, А. М. Микрюков, О. В. Артюшкова, Г. Н. Лоскутова, много позднее в нее влились Р. Р. Якупов, Э. М. Нурмухаметов и А. М. Фазлиахметов. Почти все они работали в комн. 52, где слева у окна для отца был выгорожен шкафами крошечный «кабинетик». Здесь же стояли шкафы, заполнявшиеся со временем многими сотнями коробочек со сколами яшм, кремней и кремнистых сланцев, на поверхности которых были найдены конодонты. Почти каждая такая находка была обведена карандашной линией и при желании конодонт был хорошо виден в лупу с большим увеличением или, при остром зрении, и невооруженным глазом. При определенном на-

выке, возраст вмещающей его толщи мог быть установлен и сразу в поле.

Надо сказать, и сказано об этом и многими и много, что поиск конодонтов в кремнистых прослоях среди вулканогенных пород — занятие не из легких. Часто на ту или иную важную, но крайне неподходящую с точки зрения литологии или условий залегания, точку командой (!!) специалистов затрачивается не один день поисков. Иногда приходится возвращаться через год или несколько лет. Поэтому и полевые работы 1980-х гг. занимали у отца, при возможности (пишу так, поскольку с 1976 по 1988 гг. он одновременно с руководством лабораторией являлся и заместителем директора института по науке) много времени. Не говоря уже о налаживании нормальной работы вытяжек шкафов, где растворяли образцы, и покупки уксусной или муравьиной кислоты, что, на удивление, год от года было все труднее и труднее. Как вспоминает О. В. Артюшкова, большие объемы кислоты нуждались в обосновании и утверждении Президиумом БФАН СССР, и отец скрупулезно объяснял методику поисков конодонтов и их значимость для определения возраста рудовмещающих толщ тогдашнему Председателю Президиума академику Г. А. Толстикову и в итоге получил добро аж на 400 л (!!) кислоты. Пустые бочки из-под этой кислоты все еще стоят у О. В. Артюшковой в саду, в них набирается дождевая вода ...

В 1973-х гг. на Автобазу БФАН СССР поступили первые бортовые ГАЗ-66, также вездеход с будкой; вот это была сила! Занимая должность замдиректора по науке, отец большое внимание уделял организации полевых работ института и неукоснительному выполнению их графика, постоянно находился в контакте с руководством Автобазы, а весной иногда совместно с секретарем партбюро Института Г. Н. Пшеничным даже устраивал смотр готовности техники. Многих постоянных водителей, выезжавших с экспедиционными отрядами в поле несколько лет подряд, он хорошо знал. Надо сказать, что график охватывал четыре месяца — со второй половины мая по начало сентября, делился на две примерно равные части и в каждую часть полевого сезона Автобаза должна была обеспечивать работу от 20 до 23 машин! Таким образом, летом в поле работало до 40 и более экспедиционных отрядов ... Увы, такого в институте давно и в помине нет и деградация идет, как мне представляется, не одно десятилетие. Лето стало не временем сбора макси-

мального количества новых фактов в экспедициях, а временем отпусков и приятной работы в саду ... даже для молодых ...

В середине (?) 1970-х гг. семья наша переехала в новую квартиру на ул. Шафиева (рис. 9), где у отца наконец-то появился свой отдельный кабинет, а домоуправление потребовало на «излишек площади» справку о наличии ученой степени доктора наук), и я хорошо помню, как иногда отец с рюкзаком за плечами уходил утром на трамвай до института и уезжал на полевые работы до (!!) моего дня рождения, т.е. еще до последней декады мая. Работа заместителем директора отнимала, конечно, как я уже писал выше, много времени и сил (кроме того, отца с подачи, вероятно, тогдашнего руководителя БФАН СССР член-корр. АН СССР С. Р. Рафикова избрали на какой-то срок председателем группы народного контроля всего филиала), хотя давала и ряд возможностей. Текущие вопросы работы лаборатории обсуждались в комн. 52 во время обеда, а в основном после 17 часов вечера. В итоге отец приходил домой почти каждый рабочий день после восьми или ближе

к девяти вечера, а каждую субботу и воскресенье также проводил на работе. Такой спрессованный график требовал и от отца, и от его сотрудников постоянной концентрации, навыков полного погружения в материал, быстроты принятия решений и особой тщательности при претворении решений в жизнь... Увы, не все были к этому готовы, да и подобный стиль работы не многим был под силу (знаю все это по себе, так как подобную должность занимал и сам в ИГГ УрО РАН почти 10 лет).

Кроме того, в середине 1980-х гг., когда я уже заканчивал учиться в очной целевой аспирантуре Геологического института АН СССР, отец как-то позвонил мне и попросил подумать о том, как не возвращаться в Уфу по распределению, так как обстановка в институте, благодаря односторонней позиции тогдашнего директора М. А. Камалетдинова и ряда его коллег, по всеобъемлющему внедрению в планы работы сотрудников «теории шарьяжей» и материальному поощрению таких коллег, становилась все более напряженной. В итоге отцу с рядом думавших также как и он

Рис. 9. «Фото на память», мама и отец у дома на ул. Шафиева. 1990-е (?) годы

Fig. 9. "A photo for memory", mother and father at the house on Shafieva Street. 1990s (?)

сотрудников пришлось выступить против такого подхода и, победив в этой тяжелой (помню как, неоднократно придя поздно вечером с работы, поужинав и немного отдохнув, он садился писать вновь и вновь свои соображения по вопросам развития института в парт- и профбюро, в партком БФАН СССР, в Президиум только что образованного Уральского отделения АН СССР ..., готовился к заседаниям Ученого совета, партсобраниям и всему тому, что, конечно, отвлекало его от занятий наукой) борьбе, на много лет отодвинувшей институт назад, в итоге пожертвовать здоровьем, пройдя не через одну больничную палату. К счастью, начало 1950-х гг. с их дискуссиями и оргвыводами, ушло все же в прошлое, но и в начале 1980-х все могло закончиться непредсказуемо ... История эта описана в ряде работ, авторами которых являются обе стороны, и при желании перипетии ее можно читателю представить и самому.

В 1974 г. я заканчивал 10-й класс и встал вопрос о поступлении в вуз. Особых сомнений у меня не было, но и особых увлечений и способностей тоже. Как многие мои друзья в 9–10 классах, я активно решал задачки по математике для поступающих, печатавшиеся в журнале «Квант» с указанием разных вузов, и было видно, что задачки для абитуриентов МГУ или тем более профильных физических вузов для меня сложны. В итоге было решено, что поступать следует на Геологический факультет Воронежского госуниверситета, который заканчивал отец и в котором еще преподавали многие профессора, учившие в молодости и его (Н. П. Хожайнов, Г. В. Шрамкова, Г. И. Раскатов и др.). В Воронеже у отца и мамы еще были живы их родители — наш дед и обе бабушки, и это было определенным подспорьем также. Для подстраховки летом 1974 г. меня устроили на подготовительные курсы при ВГУ.

Три экзамена я в итоге сдал на пятерки, а за очинение получил тройку. Еще одна не поставленная правильно запятая и была бы двойка и «До скорой встречи, дорогой ...», но, слава Богу, не случилось. Зимой каждый год после сессии я приезжал на каникулы в Уфу, рано утром появлялся домой с вокзала (покупал килограмм пряников, пил чай и ехал полтора суток в беспересадочном вагоне), клал зачетку с пятерками в прихожей под зеркало и ложился спать. Летом ездил на учебные и производственные практики — в Крым, на Кавказ, на Камчатку. Преддипломную практику проходил в полевом отряде Д. Э. Цабадзе (ПГО «Башкиргеология»), занимавшемся доизучением ка-

кой-то из площадей в окрестностях, как помнится, Сибая. А диплом писал по ирендыкской свите (кто только ее не изучал и до, и после меня). При этом предполагалось, что и работать я буду после вуза на Урале, поэтому знакомство с местной геологией еще в вузе приветствовалось (часть времени, правда, это «знакомство» превращалось в дробление вручную геохимических проб в чугунной ступке, но что делать). Где-то в середине августа отец забрал меня, и мы предприняли попытку добраться до района распространения кидрясовской свиты, но успеха, это приключение, по какой-то причине, увы, не имело.

Надо сказать, отец хорошо понимал, что геология восточного склона Южного Урала, где многие годы успешно работали и палеовулканолог-уфимцы под руководством П. Ф. Сопко и И. Б. Серавкина, и Д. Н. Салихов с коллегами, изучавший разнообразные магматические комплексы, и тектонисты (Г. С. Сенченко, В. А. Романов), и палеомагнитологи (Н. Ф. Данукалов и П. Н. Михайлов), а также специалисты из Москвы, Свердловска, Миасса, Саратова и ряда других городов страны, исследована уже весьма хорошо и разносторонне. Следовательно, чтобы добиться успеха и долго и продуктивно работать — надо заниматься чем-то иным, не столь хорошо изученным. И таким объектом виделись ему докембрийские осадочные толщи западного склона Южного Урала — стратотип рифея, крупнейшего подразделения стратиграфической шкалы СССР, выделенного в середине 1940-х гг. академиком Н. С. Шатским. В 1930–1940 гг. изучением этих отложений в пределах Башкирии занимались О. П. Горяинова и Э. А. Фалькова, несколько позже на территории в основном Челябинской области их изучал М. И. Гарань. Подлинным знатоком стратиграфии и литологии древних толщ западного склона Южного и Среднего Урала являлся один из первых директоров института — А. И. Олли (его книгу «Древние отложения западного склона Урала», изданную в 1948 г., отец мне подарил, кажется в 1977 или 1978 году. Тогда В. И. Козлов проводил какую-то очередную экскурсию по разрезам рифея и венда Башкирского мегантиклинория. В ней участвовали и геологи-съемщики ЗБКГЭ — А. А. Макушин, А. Ф. и З. М. Ротарь, В. А. Филиппов, кажется Р. С. Казаков и Н. Н. Ларионов, а также несколько человек из Алма-Аты и среди них однокурсница отца — Филатова, инициалов ее я, увы, уже не помню. Книга эта у меня и здесь, в Москве). В основном их тектоникой и историей формирования, зани-

мался в Институте В. А. Романов. В Западно-Башкирской комплексной геологической экспедиции, проводившей в 1960–70-е гг. картирование и доизучение территории западного склона масштаба 1:50000, работали А. Ф. Ротарь и З. М. Ротарь, В. А. Филиппов, П. Н. Швецов, Р. С. Казаков, В. В. Радченко, В. И. Козлов и др., не один километр прошедшие по этой горно-таежной местности. Но, тем не менее, во многом западный склон Южного Урала с точки зрения современной на тот момент геологии, и, главным образом, литологии (как, впрочем, геохимии, минералогии, палеонтологии, изотопной геологии и многого иного), был все еще «белым пятном» и требовал особого академического внимания.

Поэтому в самом конце 1970-х гг. институт, не без активного участия отца, принял решение организовать лабораторию геологии докембрия, пригласив руководить ею защитившего в 1975 г. в ГИН АН СССР под руководством Б. М. Келлера кандидатскую диссертацию геолога-съемщика В. И. Козлова из ЗБКГЭ. Сотрудников для этой лаборатории частично нашли внутри института (Н. Д. Сергеева, Э. З. Гареев, В. М. Горожанин, П. Н. Михайлов и кто-то еще), а частично приняли молодежь на вакантные ставки. Всего, таким образом, в лаборатории оказалось порядка 10 человек. Но, к сожалению, через несколько лет многие из них по разным причинам из лаборатории ушли.

Ранней весной 1979 г. я распределился на работу в ПГО «Башкиргеология», защитил диплом в июне того же года, потом три месяца провел на военных сборах в Воронежской области и приехал в Уфу. «Башкиргеология» от меня отказалась, документы на распределение вернули в Минвуз или в Мингео, там, как рассказывается в мифах, проходивший по коридору А. К. Семерун посоветовал какому-то чиновнику отпустить меня «с Богом» на вольные хлеба. Что и было сделано ..., в итоге я оказался лаборантом-исследователем в только что организованной лаборатории геологии докембрия Института геологии БФАН СССР (попасть в Академию наук на работу на рубеже 1970/1980-х гг. все еще было трудно).

Через несколько лет встал вопрос об аспирантуре. Можно было поступить в аспирантуру в Миасс к директору Ильменского заповедника В. А. Коротееву, но он был бы формальным руководителем, а я попал бы там под пригляд В. П. Парначева, активно работавшего несколько лет на западном склоне Южного Урала и готовившегося защищать докторскую. Понятно, что в этом

я стал бы явно левой или правой рукой Валерия Петровича, а что бы было с моими диссертационными проблемами — сказать трудно. Тогда отцу пришла, после консультации с Б. М. Келлером, часто приезжавшим в Башкирию на полевые работы, в голову другая идея — целевая очная аспирантура по литологии в ГИН АН СССР у члена-корреспондента АН СССР П. П. Тимофеева. Организация этого требовала существенных усилий, так как разумно было бы не тратить в Москве время на занятия английским и философией, а сдать вступительный экзамен в аспирантуру, как кандидатский, и, имея два сданных кандидатских экзамена в Уфе, спокойно работать и писать диссертацию. Так все и получилось в итоге. Собственно с тех пор масштаб улиц и размах площадей Москвы я и люблю, хотя я все еще хорошо помню, как летом приходилось возить туда-сюда все свои полевые дневники — страшно было их потерять, а сканеров, как и компьютеров в то время, понятно, просто не существовало. Помощь отца в организационном сопровождении аспирантуры и завершении диссертации переоценить невозможно, но это отдельный разговор (не будем вспоминать, чего стоило ему организовать ряд моих полевых выездов, изготовление шлифов и графики, машинописные работы). А те 50 рублей, что он присылал мне каждый месяц, были огромным подспорьем к 100 рублевой аспирантской стипендии. Думаю, что далеко не каждый получал столько в те годы на обычной работе.

Будучи заместителем директора по науке, отец стремился побывать на многих совещаниях по профилю института, что бы быть в курсе — кто и над чем работает, что сейчас главное в исследованиях коллег. Из командировок нам с братом привозились подарки, а однажды отец из Москвы привез конструктор размером, наверное, с чемодан! Чего там только не было, вплоть до двух маленьких электромоторов! Вот это был подарок!!

В молодости отец занимался боксом, лыжным двоеборьем, прыгал уже в Уфе с трамплина, но много времени этому не уделял, здоровье у него было хорошее. Позднее он стал ездить в санатории, чаще всего, по-моему, в Цхалтубо. Это позволяло сохранять хорошую форму в течение всего года. Хотя, конечно, с годами здоровье начинало, как он говорил, «быть возрастным». Вместе с тем в поле, пусть и ненадолго, отец ездил лет до 85 или 86 ... сидел в лагере в качестве его «охранника» (в середине 1970-х этого не было, а в середине 1990-х и позднее без двоих человек

лагерь оставлять днем было уже страшноато) ... Как вспоминает О. В. Артюшкова — «В 2011–13 гг. мы работали на Кусинском листе, там он сидел в лагере и в лагере был порядок, кого-то он воспитывал, кого-то учил. В маршруты, где не требовалась физическая нагрузка, тоже ездил и конодонтов искал. Так что балластом он не был». Правда, потом решив, что внезапная его смерть в экспедиции обернется для ее участников сплошными проблемами, махнул рукой и больше этого не делал.

Работая в институте, он поддерживал отношения с однокурсниками, особенно с А. К. Семеруном и Н. И. Шкатовым, и с кем-то еще, к сожалению, фамилии их я помню, а инициалы уже забылись. В разные годы в институте отец тесно общался с Р. Ф. Абдрахмановым, П. В. и М. Ю. Аржавитиными, М. А. Гаррис, Н. Ф. Данукаловым, Ю. Е. Журенко, И. К. Зиняхиной, А. М. Косаревым, В. А. Прокиным, А. П. Рождественским, В. А. Романовым, Д. Н. Салиховым, И. Б. Серавкиным, А. З. Сюндюковым, С. Г. Фаттахутдиновым, С. Ш. Юсуповым и многими другими. Хорошие отношения были у него с А. А. Захаровым и В. В. Павловым (ПГО «Башкиргеология», Уфа), В. Л. Черкасовым, И. А. Смирновой и В. Т. Тищенко (Нежинская ГРЭ, Оренбург), В. А. Наседкиной (УКГСЭ, Свердловск) и Е. А. Елкиным (ОИГГМ СО РАН, Новосибирск). В начале 1970-х отец познакомился с тогдашним директором Ильменского заповедника — Коротеевым, тоже Виктором Алексеевичем, и это позднее сыграло в его и моей жизни важную роль. Но это несколько другая, уже взрослая, история ...

* * *

Итог прожитых отцом 89 лет очевиден — это детальная стратиграфия девона почти всего Южного Урала — одного из основных в конце XX в. меднорудных районов СССР. Стратиграфия, которая, это хорошо понятно сейчас, ни повторена, ни превзойдена уже не будет, оставшись только в нескольких монографиях и картах (да и на тех от изображения свит, перешли, кажется, к изображению ярусных подразделений, сделав два шага назад ...). Нет для этого должного внимания со стороны властей, нет потребностей, нет желания и сил, нет, как ни странно, даже людей ... А объективный факт¹ признания этого научного подвига отца есть, но «с другой стороны». Это единственная (совместно с О. В. Артюшковой) присужденная специалистам из России за выдающиеся успехи в изучении конодонтов на Южном Урале, в регионе со сложной тектоникой и историей формирования, медаль Пандеровского общества ...

Готовя эти заметки, я несколько раз обращался к некрологу об отце, опубликованному в журнале «Литосфера» (2015, № 6). И сделал для себя парадоксальный вывод — именно в нем весь путь отца в науке оказался спрессован на нескольких страничках, охватывая и выпукло характеризуя все крупные его этапы ... Но исчерпывается ли жизнь каждого из нас несколькими страничками «во след ушедшему»? Стоит ли ждать, когда на пенсию уйдет последний сотрудник института, который помнил, скажем, А. П. Рождественского, П. Ф. Сопко или Г. С. Сенченко, хотя таких людей в институте, наверное, уже и не осталось? и вся 75-летняя история института не в статьях и монографиях, или фамилиях и регалиях директоров, канет в Лету... Мне думается, это неправильно ...

Сведения об авторе:

Маслов Андрей Викторович, доктор геол.-минерал. наук, Институт геологии — обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ИГ УФИЦ РАН), Россия, г. Уфа. Геологический институт РАН (ГИН РАН), Россия, г. Москва. amas2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4902-5789>.

¹ Из электронного письма Дж. Репетски (комитет Пандеровского общества по присуждению медалей им. Пандера) О. В. Артюшковой (21 апреля 2017 г.): «Dear Dr. Artyushkova, on behalf of the Pander Society awards committee, we are extremely pleased to tell you that you and Dr. Maslov have been voted unanimously to receive the Pander Society Medal, in recognition of your careers' work in advancing the science of conodont research! Your decades of work developing and using conodonts to date and characterize rocks, especially in complex tectonic settings, aiding in the search and assessment of mineral resources and unravelling geologic structure in complex terranes is truly pioneering, and worthy of recognition by your colleagues around the world. We also are very sorry that Dr. Maslov is not still with us to receive his medal, but we still wish to honor him as well».

About the author:

Maslov Andrei Victorovich, Dr. Sci (Geol., Mineral.). Institute of Geology — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (IG UFRC RAS), Russia, Ufa. Geological Institute of the Russian Academy of Sciences (GIN RAS), Russia, Moscow. amas2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4902-5789>.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.05.2026; одобрена после рецензирования 09.06.2026; принята к публикации 01.07.2026

The article was submitted 04.05.2026; approved after reviewing 09.06.2026; accepted for publication 01.07.2026